

УДК 124.51

Поиски идентичности в условиях социальных трансформаций

О. А. Карканица, ассистент

Обращаясь к проблеме поисков идентичности в современном мире, автор делает следующие выводы: осуществляющаяся в современном обществе переоценка ценностей, формирование глобального этоса обуславливает ситуацию этической неопределенности в наиболее важных сферах жизни индивида, а именно в процессе обретения им идентичности. В конечном итоге данное обстоятельство зачастую придает его поступкам ценностно-симулятивный характер. Спектр возможностей современного человека в аспекте поисков собственной идентичности определяется главным образом доступом к новой информации и умением реализовать соответствующую решению конкретных задач технологию. Таким образом, акцентируются процессуальные (динамические) аспекты этого поиска, а не эссенциальные.

The Search for the Identity under the Conditions of Social Transformations

O. Karkanitsa, assistant

The author examines the problem of the search for the identity in the contemporary society and draws the following conclusions. The revaluation of the values, being carried out in the contemporary society, the formation of the global ethos cause the situation of ethical uncertainty in the most important spheres of life of the individual, namely: in the process of finding identity. As a result the present circumstances often give valuable-simulative character to his acts. The spectrum of the possibilities for the contemporary man in the aspect of search for his/her identity is mainly determined by the access to new information and by the ability to realize technology corresponding to the solution of the concrete problems. So, the dynamic aspects of this search but not the essential ones are accented.

В настоящее время проблема идентичности становится своеобразной призмой, сквозь которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие наиболее важные аспекты жизни в современном обществе. Помимо того, данная проблема репрезентирует некоторые глубинные противоречия, которые определяют его характер и динамику. Во-первых, наше общество отличает тревога за судьбы человечества, необходимость решения глобальных проблем, что обуславливает характер его собственной идентичности и задает основной вектор его развития, связанный с формированием ноосферного мышления, экологизацией основных способов функционирования и самоподдержания, с попытками переориентации общества в самом способе своего существования. Однако попытки решения глобальных проблем цивилизации на основе создания нового типа идентичности (глобального, «всем миром») на уровне рядовых членов общества (то есть на индивидуальном уровне) создают ощущение бесосновности существования, способствуют утрате тех ориентиров, которые позволяли им обрести собственную идентичность.

Во-вторых, конфликтная динамика современного общества обусловлена тем, что оно открывает все новые возможности для самоопределения и

стимулирует индивидов к их все более интенсивному использованию. Вместе с тем как положение индивида в обществе, так и сами «места», к которым он может получить доступ (а следовательно, и новые возможности), быстро трансформируются и едва ли могут служить в качестве надежной цели чьей-то жизни [1, с. 183]. «Общество широких возможностей» действительно предлагает все: смену пола, социальной роли и статуса, омоложение с помощью пластической хирургии, восполнение некоторых утраченных или элиминированных самой природой возможностей (например, репродуктивных). Характер этих возможностей делает целесообразной постановку следующего вопроса: человеческая природа как естественная данность – это один из ресурсов потребления в глобализирующемся мире, использование которого предполагает его ре- или даже деконструкцию, либо активный субъект диалога, открывающий и узаконивающий новое измерение человеческих возможностей, а не просто основа идентичности?

Установка на то, что человеческая природа является незавершенной, что не существует никакого предопределения или предназначения в ее отношении, что она не может и не должна рассматриваться просто как данность, сформировалась

уже в эпоху Возрождения и не является заслугой евгеники. Ж.-Ж. Руссо делает эту установку логически завершенной, утверждая, что способность к самотрансформации – это основа человеческой сущности. Проблема, с которой сталкивается современный человек, – не в том, как обрести избранную идентичность, а в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность [1, с. 185].

В настоящее время значимые вещи находятся за пределами сферы влияния человека. В своем существовании мы зависим от ряда глобальных факторов, даже наше место в обществе определяется зачастую волей обстоятельств, но наши действия, как и прежде, локальны, что обуславливает внимание к вещам если не менее важным, то менее «масштабным», которыми человек, по его собственному разумению, в силах управлять [1, с. 190]. В свою очередь, данное обстоятельство определяет и внимание человека к собственной природе, которая представляется ему управляемой и контролируемой. Попытки человека изменить свою данность – это интенция на самоосуществление, своеобразный акт самоутверждения, где вектором становится «поход за желаемым образом», предельным выражением которого, как и рациональной установки на перфекционизм, является идея сверхчеловека. Ситуация нестабильности, социальных трансформаций воспринимается как среда для творчества, в процессе которого и реконструируется образ сверхчеловека.

Другими словами, поиски идентичности сегодня зачастую редуцируются к подмене человеческой данности образами, в которые встроены мифологемы. Этот процесс репрезентирует не просто попытку обретения человеком идентичности/псевдоидентичности, но и определенные усилия по инициации и встраиванию в пространство рационализированной техногенной цивилизации мифа как психологического убежища. И хотя именно технология открывает перед человеком возможности для самоконструирования и вписывания в структуру современного социума, она имплицитно способствует разворачиванию мифа, вследствие чего иррациональное как бы встраивается в сам способ обретения человеком своей аутентичности.

Мифологема сверхчеловека коррелирует с рациональной установкой на перфекционизм (постоянное совершенствование), априори не предполагающей обретения четкой идентичности, раз и навсегда придающей целостность личности, поскольку это ограничивало бы человека в его правах на использование тех возможностей, которые открываются новыми технологиями, и ограничило

бы «свободу маневра», которая в глобализирующемся обществе возводится в ранг метачценности.

Синтез рационального и иррационального находит пространство для разворачивания там, где под воздействием науки и техники лишь немногие аспекты физического мира сохранили свой естественный характер. Так, например, информационные технологии открывают новые возможности для трансформации половой идентичности, ее естественные параметры дополняются искусственными конструктами, вызывая к жизни образы супер-женщин, или сверхженщин. Конструируемая в пространстве Интернета женщина-киборг, согласно концепции сайбер-феминизма, – это гибрид фемининного начала и отдельных элементов маскулинности (например, таких характеристик, как технофилия, техническая компетентность и др.). Теоретики сайбер-феминизма (Д. Харавей, С. Плент, А. Бальзамо) считают, что включение данной концепции в панораму современных культурных идей делает актуальной разработку таких понятий, как «виртуальный гендер», «сайбер-идентичность». Сайбер-феминизм уничтожает традиционные дефиниции и биополяризацию в формулах мужского и женского и вводит в культурный дискурс образы киборгов, восходящие к мифологеме сверхчеловека (здесь: человека, естественные параметры которого искусственным образом преодолены или дополнены) и воплощающие идеи постчеловеческого, надприродного измерения.

Конструкты «сайбер-герл» утверждают новые перспективы развития женской индивидуальности и делают последнюю менее фиксированной. Интернет-утопия виртуальных миров внедряет в сознание человека идею пространства, свободного от возраста, гендера, расы, имущественного и экономического статуса, физических параметров рождения. По мнению П. Уэбла, присутствие в виртуальном пространстве позволяет стирать грань между внутренним и внешним, между собой и другим, между машиной и человеком, смертью и бессмертием. Компьютерные технологии изменяют сознание человека, создавая в Интернете образы «продвинутых» женщин нового поколения, обладающих «кочующей» идентичностью. Здесь возникает идея природы как культурной конструкции, означающая, что наряду с людьми и социосистемами природа является своего рода текстом, доступным для прочтения [2, с. 133–138]. Само физическое тело человека рассматривается как оболочка, от которой нужно избавиться, вступая в пространство свободы.

Та же идея – создание особого пространства, размыкающего и раздвигающего физические и биологические барьеры, – имплицитно реализуется в

теоретических построениях человеческой инженерии, или современной евгеники. На практике применяются новые методы репродукции, возникшие на основе разработок в медицинской генетике (выбор пола будущего ребенка, преимплантационная диагностика, искусственная инсеминация и др.), которые не только расширяют репродуктивные возможности индивида, но обуславливают и трансформацию самых личных и даже интимных аспектов нашей жизни, влекут изменения в структуре и характере семьи [3, с. 29]. К примеру, в качестве следствия такой трансформации может выступать отделение секса от деторождения, появление детей в гомосексуальных семьях, неопределенность материнского статуса в случае суррогатного материнства, что означает возникновение новых вариантов идентичности: «гомосексуальная мать или отец», «биологическая и суррогатная мать и др.» Преобразование человеческой идентичности из данности в задачу на современном этапе, таким образом, заключается в освобождении человека от унаследованной и врожденной предопределенности уже не только его социальной роли, но и природной.

Классическая евгеника в своей истории сталкивалась с проблемой под условным названием «игра с идеологией», когда содержание евгенического проекта определялось конкретным социальным заказом, проходило адаптацию к потребностям государственной идеологии. В этом случае границы индивидуации человека устанавливались идеологами «арийский тип», «истинный ариец» или «представитель высшей расы». Современная евгеника сталкивается с опасностью иного рода под условным названием «игра с идентичностью», в процессе которой открываются возможности для формирования псевдоидентичности или создания идентичности, «маскирующей» отсутствие четко определяемых целей и ценностей (например, человек, потребляющий экологически чистые продукты или ведущий здоровый образ жизни).

Утраченные или деформированные в процессе социальных трансформаций традиционные связи (семейные, религиозные, профессиональные и др.) между людьми, по мысли З. Баумана, сегодня замещаются такими критериями общности, которые, во-первых, не привносят ничего значимого в определение сущности человека, являясь второстепенными, случайными или просто произвольными, во-вторых, репрезентируют восприятие мира в качестве контейнера, полного полезных предметов, предназначенных для одноразового использования. Узлы партнерства или связи в сообществе рассматриваются как вещи, которые следует потреблять, они подчиняются тем же критериям оценки, что и все другие предметы потребления. Этими кри-

териями определяются даже первичные базовые потребности человека, раскрывающие не только его социальную, но и родовую сущность, например, потребность в материнстве и отцовстве, желание иметь здоровое потомство. В силу данного обстоятельства сам генетический материал оказывается продуктом (товаром), который подлежит использованию, поскольку на уровне современных биотехнологий манипуляция биоматериалом уже возможна (например, выбраковка «некачественных» эмбрионов, создание и использование банков спермы).

Феномены «псевдоидентичности», или «маскирующей идентичности», оказываются связанными не с задачей индивида занять какое-то определенное место в социуме или примерить на себя некую вполне определенную роль, а с процессом использования продуктов общества потребления. Критериями, обеспечивающими включение индивида в структуру неких сообществ, становится доступ к той или иной технологии, поддерживающей необходимый уровень потребления соответствующих благ. Подобная интенция оказывается укорененной не только в так называемых открытых обществах, но и в обществах, традиционалистски ориентированных, здесь новые технологии адаптированы к культурным запросам, поставлены на службу традициям или религиозным предпочтениям [3, с. 67–69]. Так, например, в Индии пол будущего ребенка определяют путем пренатальной диагностики и абортируют эмбрионы женского пола.

В структуре общества, ориентированного на потребление (а потребительский вектор его развития пока оказывается определяющим – не формально, а по факту), одной из основных задач, перед которыми поставлена технология и наука, является необходимость обойти традиционные этические ограничения (требования гуманности, самоценности человеческой жизни), связанные с реализацией новых проектов, что несложно, поскольку в их контексте возникает ряд вопросов, на которые традиционная этика не в силах дать однозначные ответы.

Причиной, которая определяет разрыв в темпах развития науки и формирования нравственных принципов, является глубинный конфликт, разворачивающийся в современном обществе. На протяжении веков узкий радиус нравственных действий не создавал опасности для существования цивилизации в силу того, что последствия поступков людей были столь же ограниченны (учитывая технологически заданный масштаб человеческих действий). Сегодня инфо-, био- и другие технологии на порядок увеличивают масштаб преобразования самих условий существования человека не только в обществе, но и в природе. Ныне совершаемые нами

действия могут иметь столь глубокие и радикальные последствия даже для удаленных регионов и будущих поколений, какие мы просто не в состоянии просчитать. Масштаб прямых и косвенных последствий деятельности вырос экспоненциально, но этот процесс не сопровождался соответствующим развитием наших моральных качеств. Тот же ход истории, что дал людям возможности, инструменты и оружие огромной силы, использование которых требует четкого нормативного регулирования, подорвал основы, способные породить эти нормы, уничтожил саму идею нормы как таковой.

Это отклонение стало следствием развития науки, отрицающей любые пределы человеческих действий и, соответственно, элиминирующей из создаваемого ею плана бытия этические принципы, которые ограничивают возможности человека в аспекте его потребительских запросов, в том числе и потребности самоутверждения. Современная наука руководствуется принципом, согласно которому все, что может быть сделано, должно быть сделано: сама возможность сделать что-либо является для науки и технологии необходимым и достаточным обоснованием действия. В то время как новые возможности порождают потребность в новой этике, они же подрывают саму возможность ее удовлетворения, лишают этические соображения права на вмешательство, если это может помешать бесконечному росту возможностей науки и техники [1, с. 227–232].

Итак, поскольку само общество мотивирует человека к потреблению всех продуктов, появление которых обеспечивается ростом возможностей науки и техники, нравственный выбор исключается из плана задач индивида в поисках идентичности. Можно предположить, что индивид просто не успевает нравственно самоопределиться – оценить с позиций этики открывающиеся перед ним возможности, он четко стимулирован к тому, чтобы их использовать.

Итак, в глобализирующемся обществе как следствие его глубинных конфликтов возника-

ет феномен «ускользающей» или «кочующей» идентичности, связанный с отсутствием у индивида не только четких представлений о своей социальной роли и месте в структуре социума, но и с трансформацией представлений о своей природной сущности. В целом для современного общества оказывается актуальной и приемлемой идея преобразования природы человека, выявление ее новых измерений и реализация ее скрытых возможностей с помощью науки и техники, что определяет в некоторой степени и специфику решения проблемы поисков идентичности. Однако в этом процессе (установления диалога с природой) возникает опасность формирования псевдоидентичности, связанной с возможностью подмены индивидом своей подлинной антропологической сущности. Спектр возможностей современного человека в аспекте поисков идентичности определяется главным образом доступом к новой информации и умением реализовать соответствующую решению конкретных задач технологию. Таким образом, акцентируются процессуальные (динамические) аспекты этого поиска, а не эссенциальные. Одной из основных установок в процессе обретения индивидом идентичности становится принцип «не что, а как».

Осуществляющаяся в глобализирующемся обществе переоценка ценностей, формирование глобального этоса обуславливает ситуацию этической неопределенности в наиболее важных сферах жизни индивида, а именно в процессе обретения им идентичности. В конечном итоге данное обстоятельство зачастую придает его поступкам ценностно-симулятивный характер.

Список цитированных источников

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002.
2. Суковатая, В. А. Сайбер-феминизм на пространствах Интернета / В. А. Суковатая // Человек. – 2006. – № 1.
3. Гидденс, Э. Ускользающий мир / Э. Гидденс. – М., 2004.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.03.2008 г.